

Цинь Цзычу опустил взгляд на Люй Бувэя и кивнул.

Тот поспешно отложил остальные одежды на пол, расправил белоснежную нательную рубаху и аккуратно продел его руки в рукава.

Оказавшись лицом к лицу с Цзычу и вглядываясь в его безмятежное лицо, Люй Бувэй вдруг замер, прижав раскрытую ладонь к его груди.

— О том, что случилось вчера ночью... — нерешительно начал он, но осёкся, и между его бровей пролегла глубокая складка.

Поначалу Цзычу полагал, что Люйцяо двигало лишь собственное тщеславие. Однако нерешительность Люй Бувэя заставила его вспомнить: девица ведь его ставленница.

Так кто же стоял за вчерашней ловушкой? Действовала ли служанка на свой страх и риск, или же Великий торговец, почуяв, что царский внук выходит из-под контроля, сам надумил её устроить этот капкан?

Придав лицу сердитое выражение, Цзычу слегка приподнял подбородок и вопросительно хмыкнул.

Люй Бувэй молча покачал головой и принялся поправлять воротник нательной рубахи, разглаживая складки.

Его пальцы ловко завязали тесемки на боку Цзычу. Опустив взгляд, он замер: взор его был прикован к босым ногам юноши.

У Цзычу были изящные, узкие ступни. Аккуратно подрезанные ногти открывали нежную розоватую кожу на кончиках округлых пальцев, которые сейчас зябко поджимались от прикосновения к холодному полу.

На натянутом подъёме отчетливо проступали тонкие жилки, исчезая у тонких лодыжек.

Люй Бувэя захлестнуло безумное, почти непреодолимое желание поднять эти ступни, прильнуть к ним губами, прикусить нежную кожу на подъёме и медленно облизать её.

Повинуясь этому порыву, он опустился на колени прямо перед Цзычу, не в силах отвести взгляда от его ног.

Эта внезапная недоговорённость заставила Цзычу насторожиться. Заметив, что Люй Бувэй стоит перед ним на коленях и заворожённо разглядывает его ступни, он не выдержал:

— Великий наставник, произошедшее вчера оскорбило меня до глубины души.

Люй Бувэй вздрогнул и мгновенно взял себя в руки. Чтобы скрыть замешательство, он принялся торопливо расправлять подол одеяния Цзычу.

Убедившись, что ткань лежит ровно, он ответил:

— Она лишь жалкая рабыня. Если она вам не угодна, господин, мы её продадим. А не то и вовсе забьём насмерть, туда ей и дорога.

Ещё мгновение назад Люй Бувэй терзался страхом, что Цзычу питает к Люйцяо нежные чувства, но теперь от этих подозрений не осталось и следа.

В его душе закипела глухая ярость. Ему не терпелось услышать приказ избавиться от девки немедленно.

«Денег у меня в избытке, купить новых служанок — дело нехитрое, — мрачно размышлял он. — Глупость слуг ещё можно стерпеть, но корыстные интриги недопустимы».

Попытка Люйцяо завлечь Цзычу в свои сети задела Люй Бувэя за живое. Больше терпеть её в этом доме он не собирался.

Приняв решение, Люй Бувэй опасно прищурился. Тем не менее он продолжал послушно стоять на одном колене, помогая Цзычу натянуть штаны. Подтянув их к поясу, он бережно обернул тесьму вокруг тонкой талии юноши и вновь разгладил складки рубахи.

В этот момент Цзычу ощутил, как снизу пахнуло прохладой. Опустив взгляд, он обомлел от столь откровенного покроя одежды эпохи Сражающихся царств.

«Серьёзно?! Взрослые мужчины здесь поголовно носят штаны с открытым пахом? Как это вообще понимать?!»

Люй Бувэй бросил короткий, жадный взгляд на его бедра, после чего как ни в чём не бывало поднялся. Он набросил на плечи Цзычу верхний халат, зашел со спины и стал неторопливо расправлять и затягивать широкий кушак, попутно обнимая ладонями его тонкую, подтянутую талию. В глазах великого торговца сквозило неприкрытое обожание.

Царственный отпрыск был сложен безупречно — нежная, холёная кожа так и манила к себе.

Сглотнув подступившую слюну, Люй Бувэй наконец озвучил своё решение:

— Господин, если вид Люйцяо вам неприятен, ей незачем возвращаться в вашу усадьбу.

Цзычу кивнул и после короткого раздумья добавил:

— Только обойдись без кровопролития.

В глазах Люй Бувэя полыхнул гнев. Он не мог смириться с тем, что Цзычу готов пощадить эту девушку.

После утренней сцены ему всё стало ясно. Привлекательный и знатный царский внук всегда будет мишенью для домогательств похотливых служанок, и если потакать им, то беды не избежать. Каждую, кто посмеет посягнуть на его господина, следовало карать безжалостно.

Иначе в будущем поместье Цзычу превратится в цветущий гарем, а Люй Бувэй придётся безмолвно сносить эту пытку, наблюдая, как чужие нежные руки ублажают его возлюбленного.

— Господин, это опрометчиво, — твёрдо возразил он.

Цзычу удивлённо обернулся к нему.

Повстречавшись с чистым, недоумевающим взглядом Цзычу, Люй Бувэй слегка смутился и прочистил горло:

— Ваше милосердие делает вам честь, господин. Однако вы забываете, что Люйцяо — далеко не единственная служанка, мечтающая запрыгнуть в вашу постель и стать госпожой. Если сегодня мы не накажем её в назидание остальным, завтра в вашем доме не останется места покою. Подумайте о госпоже Чжао и о дитяти в её чреве. Каково им будет жить в вечной тревоге?

Цзычу, который уже рассчитал срок родов и утвердился в мысли, что будущий Великий объединитель Поднебесной — его кровный сын, мгновенно превратился в одержимого заботой отца. Всё, что касалось первого императора Китая, требовало величайшей осторожности. Но это не мешало ему видеть Люй Бувэя насквозь: яд в словах Великого наставника тёк неприкрытой рекой.

Цзычу давно догадывался о двусмысленных чувствах Люй Бувэя к своей особе. И отдать Люйцяо на его растерзание он решил умышленно — извечный закон ревности всегда работает безотказно.

Убедившись, что торговец не причастен к ночной каверзе, Цзычу понимал: Люй Бувэй взбешён не только вероломством служанки. Его уязвлённое самолюбие требовало отмщения той, что посмела покушаться на его личную «добычу».

Кара, которую Люй Бувэй обрушит на девицу, окажется во сто крат изощреннее и жестче любой мягкотелой расправы царского внука, что разом решит проблему.

И именно поэтому Цзычу следовало усердно разыгрывать жалость и просить за виновную.

Этот великодушный жест должен был укрепить Люй Бувэя во мнении, что его господин мягок сердцем и излишне сентиментален — это усыпит бдительность хитрого дельца и прекратит его постоянные проверки.

Стоило Люй Бувэю упомянуть дитя, как Цзычу притворился, будто его гнев мгновенно утих, сменившись тревогой:

— Действительно, я сужу слишком легкомысленно. Спасибо, что предостерегли меня, Великий наставник, иначе я мог навлечь беду на супругу и младенца. Прошу, научите меня, как поступать в подобных случаях впредь.

Пусть даже Цзычу уступил лишь ради неродившегося наследника Чжао Цзи, его покорный тон привел Люй Бувэя в восторг.

На лице торговца расцвела искренняя улыбка. Он накрыл ладонью тыльную сторону руки Цзычу и мягко произнес:

— Вам не о чем беспокоиться, господин. Пока я рядом, всё будет устроено в лучшем виде.

Затем он заговорщицки подался вперед и прошептал на ухо Цзычу:

— Вчера вы знатно захмелели и рано уснули. Я устроил вас на покой и тоже покинул пиршество. А вот почтенный Гунсунь Цянь, прельстившись красотой и гибкостью здешних плясуний, за одну ночь уложил в постель сразу нескольких девиц и до сих пор беспробудно спит.

Люй Бувэй выразительно подмигнул Цзычу, и на его лице заиграла понимающая ухмылка.

— Вчера я обмолвился ему, что распродам остатки ввезенных из царства Вэй товаров и покину Ханьданы, — продолжил он. — За последние полгода Гунсунь Цянь знатно по привычке к моим щедрым подношениям. А ведь к роскоши привыкаешь быстро, отвыкнуть же от неё — мука смертная. Стоит мне «уехать», как недели через две его карманы опустеют. На одно лишь казенное жалованье кутить так, как он привык, не получится. А когда прижмет нужда, он первым делом решит урезать ваше содержание, господин. Поэтому я задумал выкупить тех плясуний и приказать им ублажать Гунсунь Цяня без устали. Каким бы крепким ни было его здоровье, столь бурные ночи быстро истощат его силы. Две недели таких утех — и он с постели подняться не сможет. Без его надзора подкупить стерегущих вас воинов Чжао будет проще простого. А там и побег из Ханьданы не за горами.

Цзычу одобрительно кивал, в очередной раз поражаясь деловой хватке Люй Бувэя. Тот умел извлекать выгоду буквально из всего.

«До чего же изворотлив и беспощаден, шельма!»

Самому Цзычу ни за что не пришло бы в голову связать плотские утехы надзирателя с бдительностью стражи. Способность Люй Бувэя читать людские пороки и слабости поистине пугала.

Жаль только, что этот делец привык полагаться исключительно на подкупы и интриги. Подобный путь дает сиюминутную выгоду, но никогда не приводит к истинному величию.

Скрыв эти мысли за маской искреннего восхищения, Цзычу произнёс:

— Великий наставник зрит в самый корень. Поступим так, как вы задумали. Однако у меня есть к вам ещё одна смиренная просьба.

Каждый одобрительный взгляд Цзычу заставлял сердце торговца трепетать от восторга. Столь щедрая похвала вскружила Люй Бувэю голову, и он был готов исполнить любую прихоть своего господина.

Люй Бувэй великодушно взмахнул рукавом:

— К чему эти церемонии, господин? Говорите прямо!

— Мое положение шатко, и я не могу свободно передвигаться по Ханьданю. Поскольку побег близок, я прошу вас, Великий наставник, отыскать лекаря знатного мастерства, готового бежать вместе с нами, чтобы он неотлучно заботился о Чжао Цзи.

С этими словами Цзычу впервые почтительно поклонился Люй Бувэю.

«Дитя Ин Ижэня...»

О чём бы ни просил Цзычу, суть сводилась к этим трем словам. В груди Люй Бувэя разлилась ледяная стужа, мгновенно остудив недавний восторг.

Ревность — удел любого мужчины. Пусть Цзычу и не принадлежал ему, Люй Бувэй всем сердцем ненавидел мысль о ребёнке, рождённом от женщины. Однако он отчетливо понимал, что не имеет права высказывать недовольство.

Появление на свет наследника у царственного внука великой Цинь — дело благое и

предрешённое небом. Люй Бувэй обязан был радоваться этому событию вместе с господином.

Помолчав, он заставил себя улыбнуться и как можно непринужденнее произнёс:

— Раз господин просит, я сделаю всё, что в моих силах.

Лицо Цзычу озарила пленительная улыбка. Перехватив ладонь Люй Бувэя, он крепко сжал её и проговорил мягко, почти с придыханием:

— В каждом деле мне приходится полагаться на вас, Великий наставник. Если бы вас не было рядом, даже не знаю, как бы я справился.

В груди Люй Бувэя вновь вспыхнул жар. Теряя самообладание, он дрожащим от волнения голосом проговорил:

— Если так... почему бы вам, господин, не остаться в моей усадьбе ещё на несколько дней? Мы могли бы делить ложе и в спокойствии обсуждать планы нашего возвращения в Цинь.

<http://bllate.org/book/18277/1750278>